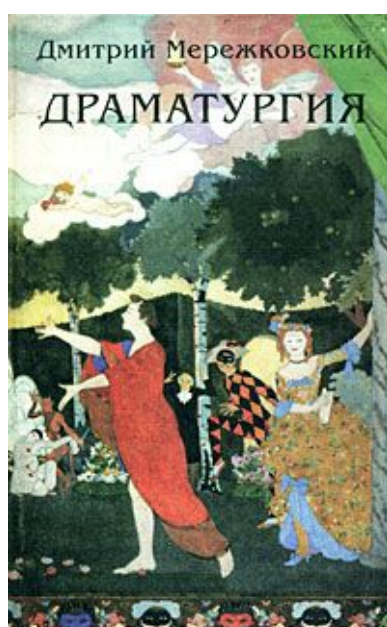

Дмитрий Мережковский
Борис Годунов (киносценарий)

Мережковский Д. С.

Борис Годунов (киносценарий) / Д. С. Мережковский — «Public Domain», — (Драматургия)

ISBN 978-5-425-08143-8

ISBN 978-5-425-08143-8

© Мережковский Д. С.
© Public Domain

Содержание

I. Пролог	5
II. Сцена на мельнице. Гадание	10
1	10
2	13
3	15
4	17
III. Пимен	18
IV. Венчание Бориса на царство	21
V. Кабак	23
1.	23
2.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Борис Годунов

киносценарий, сцены I–XVI

I. Пролог

Экран светлеет.

Руки Пимена, развивающие свиток, на котором написано: «В 1598 году со смертью царя Феодора¹, сына Иоанна Грозного², древняя династия русских царей пресеклась. Феодор был бездетен, а его младший брат, царевич Дмитрий³, который должен был ему наследовать, загадочно погиб еще при жизни Феодора от руки убийцы.

Россия осталась без царя. По обычаю страны народ должен был избрать нового. Было решено предложить власть любимцу Иоанна Грозного шурина царя Феодора – боярину Борису Годунову.⁴

Экран медленно темнеет.

Яркий летний день. Но будет гроза. На холме, с которого открывается вид на всю Москву, всадник на черном коне, князь Василий Шуйский⁵ С ним несколько приставов, тоже на черных конях. Конская сбруя звенит и сверкает на солнце. На небе появляются первые гроззовые тучи. Тени от них пробегают по городу, пятнами ложатся на Москву-реку. Шуйский подымает голову, смотрит на небо.

Шуйский.

Будет гроза!

Подъезжает князь Воротынский, статный боярин с черной густой бородой и с умными, живыми глазами. Он и сопровождающие его пристава – на белых конях.

Воротынский.

Наряжены мы вместе город ведать.

Шуйский.

Но, кажется, нам не за кем смотреть.

Воротынский.

¹ Феодор Иоаннович (1557–1598), русский царь с 1584 г.

² Иоанн IV Васильевич (1530–1584) – великий князь «всея Руси» с 1533 г., первый русский царь с 1547 г.

³ младший сын (1581–1591) Иоанна Грозного.

⁴ Годунов Борис Федорович (ок. 1551–1605) – русский царь с 1598 г.

⁵ Шуйский Василий Иванович (1552–1612) – один из противников Бориса Годунова, глава заговора против Лжедмитрия I, русский царь с 1606 г.

Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский.

Чем кончится? Узнать немудрено
Народ еще повоет и поплачет.
Борис еще поморщится немного.
Что пьяница пред чаркою вина.
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится...

(Обращаясь к одному из приставов).

Проведай-ка, что слышно —
Согласился ль
Принять венец боярин Годунов?

Пристав, в сопровождении еще двух других, ускокивает.

Воротынский.

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,⁶
Он, кажется, покинул все мирское.
Что, ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не войдет?
Что скажешь ты?

Шуйский.

Скажу, что понапрасну
Лилась кровь царевича-младенца;
Что если так, Дмитрий мог бы жить.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

⁶ Годунова Ирина Федоровна, жена царя Феодора Иоанновича.

Шуйский.

А кто ж?
Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Воротынский.

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский.

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью
нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто
правый.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь несчастного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский.

Перешагнет: Борис не так-то робок!

Воротынский.

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский.

Да боле Чем Годунов.

Воротынский.

Ведь в самом деле!

Шуйский.

Что ж!
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать.
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно; пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский.

Нет, трудно нам тягаться с Годуновым.
Народ отвык в нас видеть древню отрасль...
А вот когда бы чудом, из могилы,
Царевич наш Дмитрий вдруг воскрес...

Шуйский *(махает рукой)*.

Эх, полно, князь! Что попусту болтать.
Во гробе спит Димитрий и не встанет.
Не нам с тобою мертвых воскрешать.

Пристава возвращаются с двух концов.

Воротынский.

Ну, что? Узнал?

Пристава.

Он – царь! Он согласился!

Шуйский.

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты⁷,

⁷ Малюта Скуратов-Бельский, Григорий Лукьянович, думный дворянин, любимый опричник и жесткий сподручник всех кровавых деяний Ивана Грозного, задушил митрополита Филиппа (1569). Умер в 1572 в Ливон. походе. Одна из

Зять палача и сам в душе палач.
Венец возьмет и бар мы Мономаха!

Сильный удар грома. Шуйский и Воротынский снимают шапки и крестятся.

II. Сцена на мельнице. Гадание

1

Лес, ночь, гроза. Шум столетних сосен и дубов. Дождь, град, молния. В чаще леса огромный медведь, испуганный близко упавшим громом, вылезает из берлоги, продираясь сквозь валежник, ломает сучья с треском, встает на задние лапы и ревет.

Гроза пронеслась почти мгновенно. Гром все дальше, глуше и, наконец, затихает совсем. Небо яснее, месяц, пробиваясь сквозь быстролетающие тучи, озаряет лес.

Двое всадников, Борис и Семен⁸ Годуновы, едут по глухой тропе. Подъезжают к мельнице, старому, миистому срубу с шумящим в запруде колесом. Спешившись, Семен стучит в окно долго, сперва кулаком, потом кнутовищем.

Семен. Мельник, мельник, а мельник! Оглох, старый пес, что ли?

Мельник (*приоткрывая оконце*). Нет на вас погибели, чертовы дети! Кто такие, откуда? Коли вор, берегись, свистну по башке кистенем, с места не сойдешь!

Семен. Что ты, пьяная харя твоя, протри глаза, аль не видишь, бояре!

Мельник. Что за бояре? Знаем мы вас, шатунов! (*Вглядываясь*). Что за диво? Батюшки, светики! А я-то, старый дурак, слепа... Ох, не взыщите, кормильцы. Сейчас, – сейчас, только лапти вздену, да вздую лучину.

Семен помогает Борису спешиться.

Борис. Это он и есть колдун? Семен. Он самый.

Мельник отворяет дверь и выходит на крыльцо, старый-старый, весь белый, как лунь, огромный, косматый, как тот медведь в валежнике.

Мельник (*кланяясь князю*). Ах, гости мои дорогие, желанные! Вот послал Бог соколов в воронье гнездо! Сбились, чай, с дороги, заплутались? Место наше глухое, лихо по лесу ходит, воровские люди, шатушие, долго ли до греха? Переночуйте, родимые. Тут у меня, как у Христа за пазухой.

Семен. Бери коней. Конюшня-то есть?

Мельник. Нет, батюшки. Да мы их тут, сейчас, за тыном, будут, небось, в сохранности. (*Привязав коней*). В избу, кормильцы, в избу пожалуйте, не взыщите на бедности!

Входят в большую избу, курную, закоптелую, тускло освещенную воткнутой в светец лучиной. Гости ищут глазами иконы в углу.

Семен. Боги-то где ж у тебя?

Мельник (*ухмыляясь*). Боги тютю, воры наемдни украли! (*Усаживая гостей на лавку*). Чем потчевать, батюшки?

Семен. Ничего не надо. Мы к тебе за делом, старик. Будем гадать.

Мельник. Кому же, тебе, ему, аль обоим?

⁸ Семен Никитич Годунов – близкий родственник Бориса Годунова, глава Аптечного приказа, позднее – глава ближней думы, руководил сыском.

Семен. Нет, не нам, – царю Борису Федоровичу.

Мельник. Да разве он царь?

Семен. Днесь, наречен, а невольге будет и венчанье.

Мельник. Ахти, а я и не знал, вот в какой берлоге живу. Ну, слава Богу, давно бы так! *(Подумав).* Да как же царю-то без царя гадать?

Семен. Этот боярин – ближний друг царев. Все, что скажешь ему, царю скажешь.

Мельник *(пристально вглядываясь в Бориса).* То-то, сразу видать, слава царева на нем, как заря на небе красная. *(Падая вдруг на колени).* Батюшки, родимые, не погубите, помилуйте! Мне ли, смерду, о царе гадать? Коли что ему не по нраву скажу, – ведь прямо под топор на плаху...

Семен. Полно, не бойся, старик, никто тебя пальцем не тронет. Вот тебе царев гостинец.

Кидает ему мошну. Тот, прижав ее к груди, жадно щупает.

Мельник. Ух, сколько! Весь-то я с мельницей моей того не стою, пошли, Господь, царю здоровья!

Семен. Царь тебя озолотит, только всю правду говори, как перед Богом, а солжешь, лучше бы тебе и на свет не родиться. Ну, живей!

Мельник. Здесь, бояре, нельзя, – надо вниз, к колесу. Да и вдвоем не гоже. Ты здесь оставайся, а он пойдет со мной.

Семен. Ладно, живей!

Мельник. Мигом, только огонек запалю, да петушка зарежу черного...

Борис *(тихо, как будто про себя).* Резать не надо!

Мельник *(вглядываясь в него еще пристальнее).* Как же, батюшка? Без крови нельзя. Всяко дело крепко на крови стоит. Да и те без крови ничего не скажут.

Борис *(так же тихо).* Ну, ладно, режь, только подальше, чтобы я не слышал.

Мельник. Небось не услышишь, чик по горлу и не пикнет.

Мельник уходит. Молчание. Ветер опять поднялся. Слышно, как лес шумит. Борис, упершись локтями в колени, опустил голову и сжал ее ладонями. Черный кот, прыгнув с печи, ластится к ногам Семена. Тот отталкивает его ногою: «Брысь». Кот, выгнув спину горбом и оцетинившись, жалобно мяучит. Выйдя из-под лавки, вороненок ковыляет по полу, волоча больное крыло.

Семен *(хлопая на него ладонями).* Брысь и ты, поганец!

Вороненок хочет взлететь на одном крыле и не может, падает, опять ковыляет, косит на гостей одним глазом, разевает кроваво-красный клюв и каркает.

Семен. Государь, а Государь!

Борис *(не поднимая головы).* Ну?

Семен. Старый-то плут, кажись, что-то пронюхал, а, может, и раньше знал. Ох, берегись, Государь! Что как не мельник тут главный колдун, а Шуйский? Он тебе наколдует... Я бы этого мельника на первый сук вздернул да всю его чертову мельницу огнем спалил!

Борис. Может, и спалю, но раньше судьбу узнаю.

Семен. Эх, Государь, что узнать? От судьбы не уйдешь, человек в судьбе не волен.

Борис *(поднимая голову).* Нет, волен, только бы знать, только бы знать! *(Прислушиваясь).* Что это? Слышишь? Режет!

Семен. Что ты, батюшка, полно! Ветер воет в трубе, аль ржавая петля в дверях визжит. Вишь, как всполошился, и меня-то жуть проняла. Ох, Государь, лучше уйдем от греха! Сколько молились, постились, да прямо из святой обители в гнездо бесовское. Грех!

Борис (*глядя ему в глаза с усмешкой*). Вот чего испугался! Нет, брат, нам с тобой греха бояться, что старой шлюхе краснеть!

Входит Мельник.

Мельник. Готово, боярин, пожалуй!

Борис выходит с ним через низкую дверцу на лестницу, ведущую вниз, где слышен шум, гул жерновов и стук колеса.

2

Тою же глухой тропинкой, как давеча Годуновы, пробираются два чернеца, Мисаил и Григорий⁹, с посохами в руках, с тяжелыми за плечами котомками, в облепленных грязью лаптях, насквозь промокишие. Мисаил, лет сорока, низенький, жирный, красный, с веселым, добрым и хитрым лицом; Григорий, лет двадцати, высокий, стройный, ловкий, с некрасивым, но умным лицом, рыжий, голубоглазый. Мисаил чуть ноги волочит, кряхтит и охает; Григорий идет бодро.

Ясное небо, яркий месяц, сильный ветер. Лес шумит, как море.

Григорий. Вот она, мельница!

Подходит к окну, стучит.

Мисаил. Ох, Гришенька, боязно. Мельник-то, слышь, колдун. С чертями водится. Ну, как откроет окно, да такая оттуда харя выглянет, что свет не взвидим!

Григорий. Пусть харя, только б в избу пустил, не ночевать же в лесу!

Опять стучит. Окно приоткрывается.

Семен (изнутри). Кто там?

Григорий. Странники Божьи, иноки смиренные. В лесу заплутались, измаялись. Пусти, Христа ради.

Семен. Не пущу, проваливай!

Григорий и Мисаил (вместе). Дедушка, а дедушка, смилуйся, родной, пусти!

Семен. Сказано, проваливай, пока шкура целая!

Григорий и Мисаил. Хлебца-то, хлебца хоть корочку дай! Господь тебя наградит.

Семен (выставив дуло пистолета в окно). Прочь, сукины дети, чтобы духу вашего здесь не было; – убью!

Окно закрывается. Мисаил, отскочив, присел на корточки.

Григорий (медленно отходя и оглядываясь). А ведь это не мельник!

Мисаил. Кто же такой?

Григорий. Кажется, будто боярин. Кафтан парчовый, кунья шапка и пистоль турецкая с золотой насечкой.

Мисаил. Черт нас морочит, Гришенька, пойдем-ка, пойдем поскорее от греха! *(Тащит его за руку).*

Григорий. Стой, погоди! Надо местечко сыскать, где посуше, хоть конуры собачьей, чтобы прикорнуть. А может, и в кладовку лаз найдем, чем-нибудь поживимся.

⁹ Григорий – Лжедмитрий I – Юрий Богданович Отрепьев (ок. 1582–1606), русский царь (до 1606 г.). Сын стрелецкого сотника Отрепьева, слуга Ф. Н. Романова. Монах кремлевского Чудовского монастыря, ставший дьяконом и приближенным Чудовского архимандрита. Назвавшись сыном Иоанна Грозного. Заключил тайный договор о передаче польскому королю Сигизмунду III Черниговско-Северской земли, а семье Мнишковых – Новгорода и Пскова, о военной поддержке польского двора в войне со Швецией. Тайно принял католичество. Первый русский император. Мисаил – Михаил Трофимович Повадьян, боярский сын из Серпейска. Сподвижник Отрепьева, поверивший в его царское происхождение.

Крадучись, идут вдоль стен избы и заворачивают за угол. Здесь крутой обрыв. Внизу, у плотины, стучит колесо. Григорий, наклонившись, с кручи смотрит вниз.

Григорий. Видишь, огонь?

Мисаил *(крестясь)*. Матерь Пресвятая Богородица! Да ведь это – они – с рогами, с хвостами, черные, у-у! Скачут, пляшут, свадьбу справляют бесовскую...

Григорий. Дурак! Чего испугался. Видишь, люди. Дым валит от огня и тени ходят по дыму. Двое. Что они делают? Колдуют, что ли? Пойдем-ка, посмотрим.

Мисаил. Что ты, братик миленький! Прямо им в когти...

Григорий. Ладно. Коли трусишь, оставайся здесь, спрячься в кусты, а я пойду.

Мисаил. Ой, не ходи, Гришенька, светик мой, не губи души своей понапрасну! Они тебя задерут.

Григорий. Ладно, кто кого задерет, еще посмотрим!

Мисаил прячется в кусты. Григорий, цепляясь за ползучие корни и травы, слезает по круче на дно оврага. На той стороне его, у мельничного колеса, навес под соломенной крышей, с невысоким, ветхим, покосившимся тыном из бревен. Григорий влезает к нему и, приложив к щели между бревнами глаз, жадно смотрит.

3

Мельник под навесом усаживает Бориса лицом к вертящемуся колесу, на сваленные кули с мукой и хлебом.

Мельник. Мягко ли тебе, сынок, покойно ли? Надо, чтобы дрема одолела, – лучше увидишь и услышишь все.

Кидает в огонь сухие травы и коренья. Пламя вспыхивает ярче, гуще валит дым.

Мельник. Глубже, глубже дыши, всею грудью, небось дымок смоляной, травяной, духовитый, слаще ладана, крепче пенника!

Льет на огонь кровь из чашки, капля за каплей. Топчется на месте, быстро семена ногами, подпрыгивая, как на току тетерев.

Мельник.

В колесе моем вода,
В жилах алая руда.
Колесо вертись, вертись!
Было верх, будет низ;
Было нет, будет да;
Что вода, то руда.

Вдруг, обернувшись к Борису и низко наклонившись, уставив на него неподвижный взор, – все так же быстро семена ногами, подпрыгивая, медленно идет на него.

Мельник. В очи мне, в очи смотри; прямо в очи, – вот так.

Взор у Бориса становится таким же неподвижным, как у Мельника. Тот машет руками, однообразно проводит ими по воздуху, как будто ласкает, гладит не его самого, а кого-то над ним.

Мельник.

Спи, мой батюшка, усни,
Спи, родимый, отдохни!
Мало дитятко ласкаю,
Темный полог опускаю,
Тихо песенку пою,
Зыбку зыбкую качаю.
Баю-баюшки-баю!

Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Видишь?

Борис. Вижу.

Мельник. Сквозь меня?

Борис. Сквозь.

Мельник. Что видишь?

Борис. Воду в колесе. Месяц на воде играет.

Мельник.

Месяц на воде играй.
Филин плачь, ворон – грай!
Помогай! Помогай!
Ашарот, Шабаот,
Жар огня, сила вод,
Злачны травы по росе,
Брызги-жемчуг в колесе.
Помогайте все!

Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Что видишь?

Борис. Углицкая церковь, звонница, пономарь бьет в набат, люди на площадь сбегаются... мертвый младенец лежит, горло перерезано...

Мельник.

Спи, мой батюшка, усни.
Спи родимый, отдохни!

Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Что видишь?

Борис. Царский престол, я на нем... Нет, младенец зарезанный...

Мельник. Что слышишь?

Борис. Слаб, но могуч; убит, но жив, сам и не сам. *(С тихим стоном)*. Что это, что это?..

Мельник *(взяв его за плечи, тряся и дуя в лицо)*. Чур, чур, чур! Встань, проснись!

Борис *(открывая глаза)*. Что это, что это, Господи? Что это было, колдун?

Мельник. А ты забыл?

Борис. Забыл.

Мельник. Я за тебя помню. Скажи царю Борису Феодоровичу: будешь во славе царствовать, осчастливишь Русь, как никто из царей. Но светел восход – темен закат. Мертвого бойся. Убит, но жив; слаб, но могуч; сам и не сам. Тени своей бойся, бойся тени, тени страшись!

Борис *(тихо про себя)*. Что это значит?

Мельник. Не знаю. Может, царь знает.

Борис встает, шатаясь. Мельник ведет его к лестнице.

Борис *(тихо про себя)*. Слаб, но могуч; убит, но жив. Сам и не сам. Что это значит? Что это значит?

4

Тою же лесной тропинкой, как давеча на мельницу, Борис и Семен едут обратно. Чуть светает. Птицы еще не проснулись. Ветер затих, и такая тишина в лесу, как будто все умерло. Кони стучают неслышно по миистым колеям тропы. Борис едет впереди, понутив голову и опустив поводья. Лицо его задумчиво; он все еще, как во сне.

Вдруг, на перекрестке двух тропинок, выходят из-за кустов, точно из земли вырастают в серой тени рассвета, две черные тени, Мисаил и Григорий. Конь Бориса шарахается в сторону, встает на дыбы. Всадник едва удержался в седле.

Семен (обнажив саблю и замахиваясь). Чтоб вас, окаянные! Прямо коням под ноги лезете!

Мисаил шмыгнул в кусты, как заяц. Григорий стоит, не двигаясь, и смотрит в лицо Бориса так же пристально-жадно, как давеча во время гадания, когда смотрел между бревнами в щель.

Борис (справившись с конем). Полно, Семен! Видишь, и сами перепугались. Вон чаща какая, не видно, кто идет, и конского шага во мху не слышно. Кто вы такие?

Мисаил сначала робко выглядывает, потом выходит из кустов.

Григорий. Чудовской обители братья.

Борис. Как звать?

Григорий. Это брат Мисаил, а я Григорий.

Борис. Откуда идете, куда?

Григорий. В Москву из Углича. В Угличе благословил нас о. игумен старых книг да хартий добывать старцу нашему о. Пимену.

Борис. А ему на что?

Григорий. Летопись пишет.

Борис (вглядываясь в лицо Григория). Где я тебя видел?

Григорий. Меня? Нет, боярин, ты меня нигде не видел.

Борис (вглядываясь пристальней). Чудно. Все, кажется, будто где-то видел. Ну, ступайте с Богом (вынув из мошны и кинув им два золотых). Свечку поставьте Владычице и помолитесь за грешного раба Бориса.

Григорий и Мисаил (низко кланяясь). Подай тебе Господь, боярин, спаси Владычица!

Всадники скачут, скрываясь в лесу. Григорий долго смотрит им вслед. Лицо его так же сонно, так же неподвижен взор, как у Бориса давеча, когда он смотрел на воду под колесом. Может быть, и Григорий что-то видит.

III. Пимен

Ночь. Келья в Чудовом монастыре. Отец Пимен пишет перед лампадой. Григорий спит.

Григорий *(пробуждаясь)*.

Все тот же сон. Возможно ль? В третий раз.
А все старик перед лампадой пишет...

Пимен.

Проснулся, брат.

Григорий.

Благослови меня.
Честной отец.

Пимен.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во веки.

Григорий.

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил...

Пимен.

Господь с тобой. Младая кровь играет,
Смирай себя молитвой и постом...

(продолжая писать)

Еще одно последнее сказанье
И летопись окончена моя.
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне грешному.

Григорий.

Давно, честной отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен.

Ох, помню,
Пришел я в ночь. На утро, в час обедни
Вдруг слышу звон; ударили в набат;
На улицу бегут, кричат, и я
Спешу туда ж – а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный младенец...
Укрывшихся злодеев захватили;
«Покайтесь», народ им загремел.
И в ужасе, под топором, убийцы
Покаялись – и назвали Бориса.

Григорий.

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен.

Да лет семи; он был бы твой ровесник,
И ныне царствовал.... *(Задумывается)*.

Григорий *(после молчания)*.

Скажи, отец.
Московские злодеи, может статья,
Димитрия в лицо не знали ране:
Царевич ли зарезанный младенец?

Пимен.

Я и слышал народную молву:
Убили в Угличе попова сына,
Царевич же Господним чудом спасся...
Да мало ли, что люди говорят?

Оба погружаются в глубокую задумчивость.

Пимен.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись свою... Но уж звонят
К заутрене... Благослови Господь
Своих рабов. Подай костыль. Григорий.

Уходят. Через минуту Григорий возвращается.

Григорий (один).

Борис, Борис. Все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца.
Но не уйдешь ты от суда мирского.
Как не уйдешь от Божьего суда.

IV. Венчание Бориса на царство

Соборная площадь в Кремле, залитая ярким утренним солнцем. Прямо перед зрителем Успенский собор, справа Грановитая палата, слева Архангельский собор. Сверкают на солнце золотые купола, ослепительно белеют стены. Вся площадь запружена праздничной толпой. Звон колоколов, переливный гул голосов.

Григорий и Мисаил пробираются через толпу на площадь. Толстому Мисаилу трудно протиснуться за Григорием. Отстал, с кем-то переругиваясь, и затерялся в толпе. Но и Григорию не удается пробраться на площадь; он влезает на Кремлевскую стену, откуда ему будет видно все.

Внутри Успенского собора. Торжественная служба – венчание Бориса на царство. Когда толпа, под пенье молитв, опускается на колени, виден стоящий лицом к алтарю Борис, которому патриарх передает скипетр и державу.

Шуйский выходит на крыльцо Успенского собора и, обращаясь к толпе, говорит: «Да здравствует царь Борис Феодорович!» Народ восторженно отвечает: «Да здравствует!» раздаются звуки «Славы».

По обитому красным сукном помосту – от Успенского собора до Архангельского и от Архангельского до Красного Крыльца движется коронационная процессия. Впереди идет духовенство в полном облачении. Несут иконы, хоругви. За духовенством бояре, стрельцы, затем иностранные послы и гости. Наконец, показываются рынды. Рынды проходят. Появляется Борис, со скипетром и державой.

При появлении царя народ продолжает петь. Опускается на колени. Царь медленно и торжественно шествует, кланяясь на четыре стороны. Дойдя до середины помоста, он останавливается. Народ сразу замолкает. Наступает полная тишина.

Борис *(про себя).*

Скорбит душа. Какой-то страх невольный
Зловещим предчувствием сковал мне сердце.
О, праведник, о, мой отец державный,
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли ты мне священное
На власть благословенье.
Да буду благ и праведен, как ты,
Да в славе правлю свой народ.

(Обращаясь к боярам).

Поклонимся почившим властителям Руси.
А там – сзывать народ на пир,
Всех – от бояр, до нищего слепца,
Всем вольный вход, все гости дорогие.

Шествие под пение «Славы» снова трогается по направлению к Архангельскому собору. Григорий со стены жадно и пристально смотрит на царя. Борис, под взглядом Григория, тоже обращает на него глаза. Взгляды встречаются. На лице Бориса – мгновенная

и непонятная тревога: опять этот монах. Кто он? Григорий выдерживает взгляд Бориса и вдруг узнает в нем всадника, которого видел на мельнице.

V. Кабак

1.

Улица перед слободским кабаком. Растоптанная, разъезженная, грязь, лошади, телеги – пустые (едущих с базара), у крыльца всякий народ. Толпятся, галдят, ругаются. Из кабака гам, дуденье, пьяные песни.

На улице появляются два чернеца с котомками за плечами, Григорий и Мисаил. Осторожно обходя большую лужу, где на боку лежит, блаженно хрюкая, большой черный боров, держат путь к крыльцу.

Неподалеку стоит небольшая толпа не то нищих, не то юродивых. Гнусят какую-то песню, один подыгрывает на волынке. Вдруг песня прерывается, раздается детский визг; огромный нищий, в рубахе с расстегнутым воротом, принялся колотить мальчишку ихнего, – ходят такие, с нищими, поводыри.

Нищий. Ах ты, пострел тебя разрази! Цыть! Я-те повою!

Мальчишка продолжает визжать, захлебываясь. Кругом хохочут.

Мисаил. Да чего ты его колошматишь?

Нищий. А тебе что? Не твой, небось. Он с нами ходит, приبلудный, значит моя воля: хочу с кашей ем, хочу с маслом пахтаю, а захочу совсем убью.

Григорий. Ишь, дурак. Брось, говорят тебе!

Мальчишка с помощью Григория вырывается из лап нищего и отбегает в сторону. По лицу у него текут слезы и кровь, он, захлебываясь, визгливым голосом кричит: «Черт ты, слепой, ишь. И все вы такие-то черти, душиатели. Почем зря, с кулаками! Да провались я, убегу от вас, чтоб вам, дьяволам, на том свете...» Мужики хохочут. Издают поощрительные возгласы.

Мальчишка. Убегу, вот как Бог свят, убегу. На что они мне сдались, окаянные. Приблудный, так мне везде дорога. Вот с отцами пойду, со странными.

Мисаил *(в шутку, добродушно).* Что ж, иди. Мы те не бить, наставлять будем. Ишь, мальчонка-то какой шустрый! Как звать-то тебя?

Мальчишка *(шмыгая носом).* А Митькой. Возьмите, дяденьки... то бишь, отцы. Я привычный. Не потеряюсь. А потеряюсь где, так найдусь.

Из кабака вываливается густая пьяная толпа, горланя песни. Кое-кто приплясывает. Тут и бубны, и дуды, у одного скрытица.

Цибалды – шибалда.
Задуди моя дуда,
Гряньте бубны – бубенцы,
Разгулялась молодцы...
На погосте воз увяз.
А дьячок пустился в пляс
Хлюп. хлюп, хлюп!
А как поп с погоста шел,
Забодал его козел
В пуп, в пуп, в пуп!

Мисаил. Эко веселье. Доброе, видно, вино у хозяина! А у меня в горле с утра пересохло. Идем, штоль, Григорий!

Пробираются в кабак. Митька, между ногами мужиков, сквозь толпу, незаметно юркнул за ними.

2.

Внутренность шинкарни. Низкая, черная, просторная изба. По стенам лавки, в углу стойка. Народу – труба непротолченная. Песни и музыка здесь еще громче. За стойкой – хозяин – толстый и красный мужик. Хозяйка тоже толстая, чернобровая, медлительная. В одном из углов сидят Григорий и Мисаил, пьют. Пьют они уже давно, Мисаил совсем пьян, да и Григорий, видно, навеселе. Народу всякого звания. Двое только что сплясали, утирают пот.

Мисаил. То-то любо. И я, бывало, плясал... Ну, спесивая, хозяйюшка, выходи на круг. Доброе вино у тебя, и я, пожалуй. Господи благослови...

Гости. Старец-то, ишь как его с посту разобрало! Гляди, ноги не сдержат! Помоложе который, тот не рыпается! Сидит, как сыч! Эй, давайте сыча!

Мисаил (ударяя по столу ладонью). Сыча! Сыча! Ладная песня. Хошь и грех – подтягивать буду!

Поют. «...Туру-туру петушок, ты далеко ль отошел? За море, за море, ко Киеву-граду, там дуб стоит развесистый, на дубу сыч сидит увесистый. Сыч глазом моргает, сыч песню поет, дзынь, дзынь, передзынь...» и т. д.

В это же время в другом углу кто-то наяривает на дуде свое. В третьем углу начинается пьяная драка. Хозяин выходит из-за стойки. Мисаил ловит его за полу.

Мисаил. Хозяин, а хозяин. Будь ласков, выставь еще косушечку! Мы люди странные, ходючи по Божьему делу притомились, а что при нас было, малая толика, все тебе выложили. Алтына больше нет. Господь Бог свидетель, а ты выстави косушечку на покаяние души.

Хозяин (грубо). Нет ни алтына, так и полезай с тына, давай место другим. Чего привязался? Хороши вы, странные, да еще монахи!

Мисаил. Мы не простые монахи, мы мудреные. Эй, хозяин, мы тебе отслужим!

Хозяин. Сказано, не дам. Потчевать вас! Не надобна твоя служба.

Мисаил. Как это не надобна? Ну, хочешь, я спляшу? А то расскажу, чего мы перевидали, что и во сне никому не приснится...

Один из гостей. Ишь ты, во сне не приснится!

Григорий. Тебе., может, коза рогатая снится, а вот я так сон видел, трижды кряду, сон этот на духу рассказать, и то страшно!

Один соседний гость, неизвестного звания (подсаживаясь ближе). А ты Расскажи!

Григорий. Пойдем прочь, отец Мисаил! Что нам тут с ними, с холопами, растабарывать! Ныне, сам знаешь, как вышла отмена Юрьеву дню¹⁰, все на Руси холопами стали!

Ближний сосед, мужик. Да нешь мы тому, отец, рады? Мы по Юрьеву дню во как плачем! Нонче думаешь ничего, а глядь, и не знай как, уж холоп стал.

Человек неизвестного звания (около Григория). Плакальщики тоже объявились. Вы, отцы святые, дурней не слушайте. Вы и вправду, как я замечаю, Божьи люди. А коли гребтись с устатку еще по чарочке выкушать, так ин быть так, я угощаю. Ставь хозяин, в мою голову.

¹⁰ Отмена права крестьян один день в году, в день св. Георгия в конце ноября, покидать своего помещика и переходить к другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.